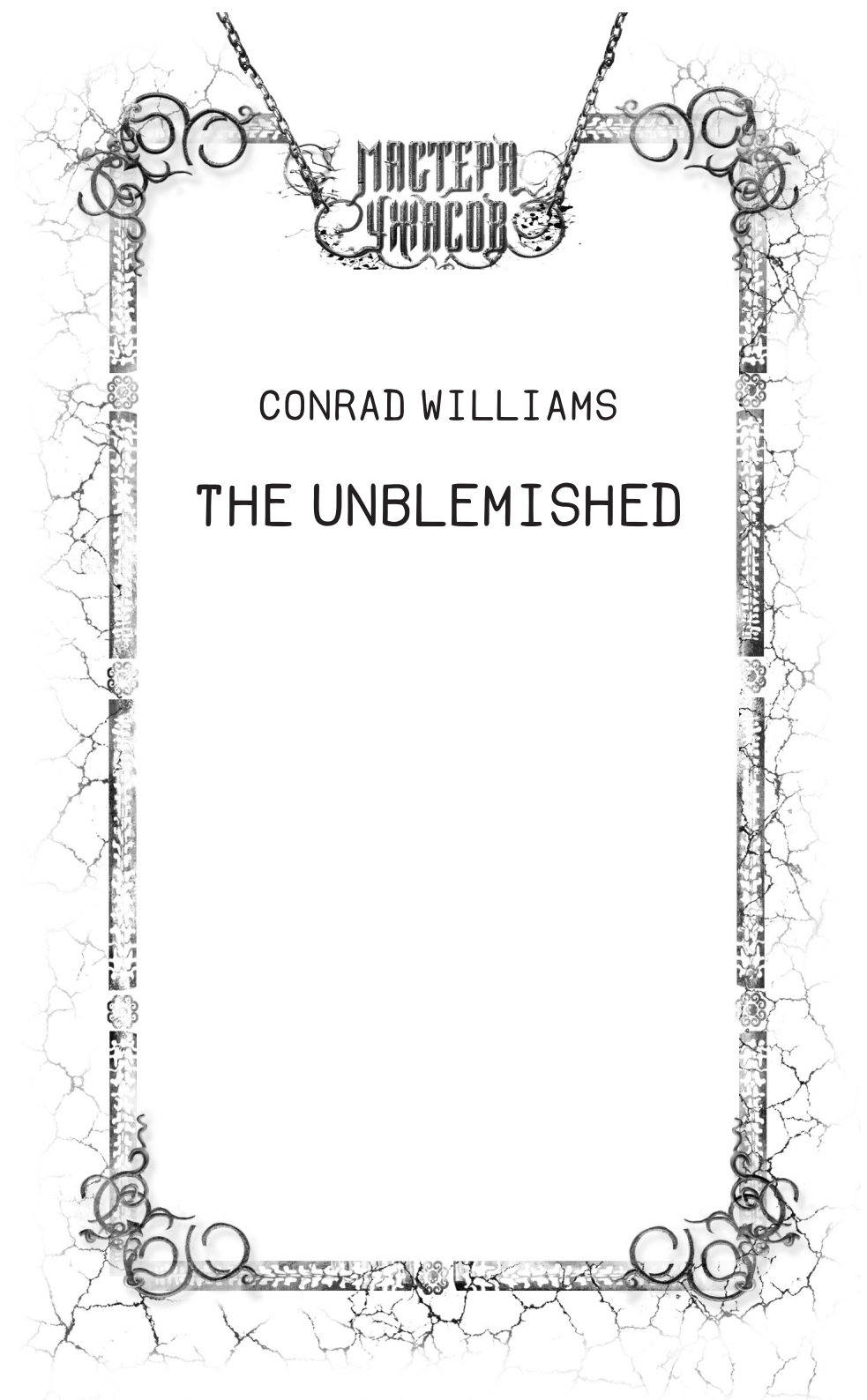

МАСТЕРА
УЖАСОВ

CONRAD WILLIAMS
THE UNBLEMISHED

МАСТЕРА
ЧАСОВ

КОНРАД УИЛЬЯМС
НЕЗАПЯТНАННЫЕ

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО
Ольги Лаврешиной

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ

 АСТРЕЛЬ СПб

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)
У36

Conrad Williams
THE UNBLEMISHED

Печатается с разрешения автора
и при содействии агентства Watson, Little Limited

Перевод с английского: *Ольга Лаврешина*

В оформлении использована
иллюстрация *Михаила Емельянова*

Дизайн обложки: *Юлия Межова*

ISBN 978-5-17-176646-7

Copyright © Conrad Williams 2006, 2008
© Ольга Лаврешина, перевод, 2027
© Михаил Емельянов, иллюстрация, 2027
© ООО «Издательство АСТ», 2027

Для Рипли
Я люблю тебя, ворчуниска

ПРОЛОГ

Ужас и благоговение — это лишь разные формы одного и того же смятения, смятения от полноты бытия. Когда человек живет полной жизнью, весь мир вокруг оживает. Объект наблюдения становится наблюдателем. Лес превращается в скопище глаз.

Роберт Пог Харрисон. Леса: Тень цивилизации

Непоколебимая вера в то, что карта не врет, пугала Клэр больше, чем обступившие ее деревья и состояние дороги, которое ухудшалось с каждой милей. Согласно атласу, дорога B4525 все еще должна была весело извиваться, словно ленточный червь, в недрах Нортгемптоншира. Клэр хорошо читала карты, но за последний час что-то пошло не так, и она не могла понять, что именно. Ее парень, Оливер, успел испытать всю гамму чувств — от легкого раздражения до почти предынсультного состояния, пройдя через сарказм и отчаяние. Он сгорбился над рулем, пытаясь взглянуть в хаос за стеклом, и при каждом глотке у него щелкало в горле. Стущались

ПРОЛОГ

7

сумерки, и с каждой минутой вероятность провести ночь в машине становилась все реальнее.

Клэр в очередной раз задалась вопросом, почему они вообще на это решились. Когда она предложила съездить в отпуск, Оливер тут же сообщил, что у них мало денег, хотя ее идея — неделя в палатке на французском побережье возле Аркашона — была более чем скромной и вполне по карману. Она подозревала, что он просто ждал, когда Клэр озвучит свой план, чтобы тут же перебить его собственным, «улучшенным». То, что он устроил почти презентацию о преимуществах отдыха в Британии — не хватало только слайдов PowerPoint и раздаточных материалов, — выдавало его тщательную подготовку. Он просто-напросто вынудил ее согласиться. «А много ли ты на самом деле знаешь о своей стране? — спросил он. — В скольких местах ты вообще бывала?»

Ее возражение, что Скегнесс в дождь будет не лучше, чем Озерный край или Дартмур в дождь, он проигнорировал. К тому же машина, на которой они отправились бы, прими он ее идею, принадлежала ему, и палатка тоже. Клэр понимала, что придется уступить. Конечно, она могла наотрез отказаться, но к чему бы это привело? Лишь к концу их отношений. А Клэр этого не хотела. Особенно теперь, когда узнала, что беременна. Эта поездка должна была стать мирным и спокойным событием, во время которого она смогла

бы без лишней тревоги сообщить Оливеру, что он станет отцом. Она еще не знала его достаточно, чтобы предугадать реакцию. Он был как ракушка, из которой не так-то просто извлечь моллюска. Но она чувствовала, что должна сказать ему первому, прежде чем сообщить новость матери. Боже, вот это будет счастливый момент. Та и так с трудом согласилась отпустить ее в короткий отпуск. Ее мать была настолько измотана паникой из-за долгов и мудака, который их преследовал, что Клэр, казалось, видела, как это разъедает ее изнутри, оставляя на коже ожоги. Ей хотелось усадить мать на диван, напоить горячим чаем, уговорить успокоиться, просто дышать. По крайней мере, думала Клэр, это помогло бы ей попрактиковаться в роли матери.

Она посмотрела на Оливера и подумала, не стоит ли ей первой сделать шаг к примирению. Но он взглянул на нее с тем безразличным отстраненным выражением, которое, казалось, никогда не сходило с его лица в ее присутствии. В душе Клэр шевельнулся холодный страх — она была почти уверена, что он вот-вот сорвется, заговорит о том, чтобы все закончить и пойти каждый своей дорогой. Он определенно уже пробовал эти слова на вкус. Хотелось сказать, что всякий раз при встрече он поражал ее, как будто она видела его впервые. Его образ ни разу не совпадал с ее ожиданиями. И она размышляла, хорошо ли это. Она размышляла, почему не может открыть

рот и заговорить, чтобы попытаться залатать некоторые трещины в их отношениях. Одна из них — большая разница в возрасте, о которой она даже не задумывалась, пока не стало ясно, что часть Оливера растет внутри нее. Восемнадцать и двадцать пять. Внезапно она почувствовала, будто ее возит по делам какой-то дядя.

Длинные белые пляжи западной Франции казались теперь дальше, чем когда-либо. Начался дождь, барабания в такт поскрипыванию метронома дворников, которое раздражало ее, но по крайней мере нарушало ужасное молчание, нараставшее между ними. Гром был подобен отдаленному божественному следу, оставленному кем-то, полным решимости разыскать их. «Всего-то и не хватает сейчас,— подумала Клэр,— чтобы колесо спустило».

— И когда это ты окончательно заблудилась? — внезапно спросил Оливер. Вопрос показался Клэр жестоким и был пронизан двусмысленностью, которой он, казалось, наслаждался. Он любил играть с людьми, ставить их в тупик.

— Мы не сворачивали с дороги категории В,— ответила она, отказываясь поддаваться на провокацию. Споры не вернут их волшебным образом на правильный путь.— Значит, карта, должно быть, неправильная.

— Ага, конечно,— сказал он.— Как там та поговорка — про плохого танцора и его яйца? — Однако голос его звучал не так, как обычно. Он не смотрел

на нее. Оскорбления произносил ровно, без свойственной ему язвительной насмешливости, без того подначивания, которое она порой находила странно притягательным. Его взгляд устремлялся в зеркало заднего вида чаще, чем требовалось. Что-то в его движениях напомнило птицу — та же нервная и порывистая манера поведения.

Клэр проверила дату издания атласа, на случай если он устарел, но это было самое свежее издание.

— Может, нам просто развернуться? — предложила она. — Я смутно припоминаю паб, который видела перед тем, как все пошло наперекосяк. Примерно полчаса назад. Может, окажется, что мы знаем, где находимся, если вернемся туда. А если нет — всегда можно остановиться и выпить по кружке. Спросить дорогу.

Оливер не отвечал, и Клэр взглянула на него, а затем почти мгновенно переключила внимание на дорогу, преисполнившись уверенности, что человек, с которым она села в машину много миль и часов назад, был уже не тем. Его лицо казалось совершенно чужим. Свет от приборной панели выхватывал впадины и ямки, которых там быть не должно, и, возможно, их и не было, пока напряженная ситуация не начала оставлять свои следы. Клэр спросила себя, не видит ли он ее такой же.

— Давай развернемся, — прошептала она. Ей не нравилось, как дорога впереди сдается под

натиском непогоды, словно ее стирают ластиком. Ей хотелось быть с матерью. Хотелось того контролируемого чувства истерии. Домашнего безумия.

Пот проступил из-под кончиков пальцев, впившихся в края атласа. Ее ногти вдавливались в бумагу, оставляя следы в форме полумесяцев. Запредельная тьма за окнами была настолько густой, что Клэр уже не была уверена, едут ли они по какой-либо дороге, и ее охватил ужасный головокружительный приступ паники, который, словно электрический разряд, пробежал по нервам в ногах, когда ей представилось, что машина парит в пустоте.

Она открыла зеркальце в солнцезащитном козырьке над головой и внезапно увидела то, на чем был так сосредоточен Оливер и что лишило его дара речи. Теперь она поняла, почему они не могут отступить. В неверном кровавом отсвете стоп-сигналов она увидела сотни фигур, извивающихся позади на усыпанной щебнем дороге, многие — без конечностей, с глазами, которые выглядели как бледные серебряные диски. Она непроизвольно вскрикнула — бессвязный звук, от которого Оливер вздрогнул.

— Что они делают? — закричала она. — Почему они преследуют нас?

Рука потянулась к дверной ручке и дернула ее. Оливер закричал, чтобы она захлопнула дверь.

Конрад Уильямс. Незапятнанные

— Что им нужно? — спросила она. Голос почти тонул в скрежете двигателя и гулких ударах сердца.

— Я не знаю,— сказал Оливер.— Но что мы будем делать? Вступать с ними в переговоры? Ты только посмотри на них. *Просто, твою мать, посмотри.*

Их было так много, и они извивались на дороге, словно вот-вот поглотят машину. Автомобиль подпрыгивал, перемалывая колесами тела. Клэр закричала и услышала, как Оливер ругнулся и вдавил тормоз в пол.

В двадцати футах впереди путь перегораживало упавшее дерево. Оливер потянулся и сжал руку Клэр. Он был покрыт пленкой пота, похожей на целлофан. Все его существо, казалось, состояло из натянутых сухожилий, дрожащих веревок нервов и тающей воли. Он распахнул дверь, и в машину ворвались вой ветра и дождь. Он не оглянулся на нее. Он сказал:

— Беги.

Клэр моментально потеряла его в буйстве стихии. Она предположила, что он, должно быть, побежал по прямой, надеясь, что дерево послужит барьером для тварей, ползущих следом. Она ни на секунду не задумалась о его поступке, о том, что он бросил ее. Она также не думала о том, кем были существа, что охотились на них. Единственной мыслью было догнать его, не оставаться одной во тьме, пока неведомое скользит и ползет по грязи за спиной.

— Оли?! — Это был ее первый и последний крик, обращенный к нему. Буря превратила слова в конфетти, которые осыпались у ее ушей. Решив сберечь дыхание, Клэр побежала по пути, который, предположительно, выбрал Оливер. Одна туфля осталась в грязи. По ноге пробежала волна огня — будто ее пронзило жало. Дождь почти мгновенно промочил одежду и принялся за кожу. Найти Оливера стало ее задачей, ее альфой и омегой. Убежище теперь казалось Клэр такой же невозможной идеей, как и рай. Решимость отыскать его, прежде чем она падет жертвой окружающего ужаса, помогала ей двигаться вперед. Смерть здесь, в этой мгле, внезапно стала чем-то неизбежным, судьбой, которую она мгновенно приняла. Чему она должна была сопротивляться изо всех сил, так это тому, чтобы умереть, не попытавшись воссоединиться с человеком, которого любила. Страх оказаться одной в конце пути перевешивал ужас смерти до такой степени, что это показалось почти забавным.

Свет фар помогал Клэр разглядеть, куда ставить ноги, пока она карабкалась через дерево, хотя какой-то сук прорвал дыру в блузке и больно рассек грудь. По ту сторону дерева свет померк, и ей приходилось полагаться на вспышки молний, которые время от времени позволяли сориентироваться. В одной из таких вспышек ей показалось, что она видит, как Оливер,

взбрыкивая, несется сквозь чашу справа, и она изменила курс, бросившись следом.

Молнии сверкали все чаще, вспыхивая то тут, то там полотнами света, словно в поисках портнихи, что сможет сшить их воедино. Шокирующе близкий гром заполнял паузы, и в один момент Клэр показалось, что он вибрирует внутри нее. Адреналин, буря, погоня — все это смешалось, возбуждая. Впервые в жизни она почувствовала себя по-настоящему живой. Она кричала и смеялась. Ужас выжиг в ней разум. Инстинкты низвели ее до уровня первобытного животного. Она помчалась вперед, ощутив забытую радость движения, и больше не чувствовала ни уколов, ни ударов. Ее внезапно охватило безумие, и каждое его мгновение было сладким.

Клэр добежала до деревьев, где, как ей показалось, она видела Оливера. Искать следы не имело смысла. Дождь уже превратил землю в липкую кашу. Позади, совсем близко, она услышала чье-то тяжелое хриплое дыхание и рванула вперед, зная, что остановиться — значит умереть, а она не могла этого допустить, пока не узнает, что случилось с ее мужчиной.

Нервные узлы неба вспыхнули новым сгустком энергии. Клэр увидела, что земля круто обрывается вниз. У подножия холма свет отразился от колючей проволоки. Она должна была пролезть через нее, еще немного затормозив преследователей. Ей нужно было время.

ПРОЛОГ

